

Воскресный
гость
«Смены» —
Герой
Социалистического
Труда
писатель
Василь
БЫКОВ

«ПИСАТЬ ПРАВДУ ВОЙНЫ...»

ВСПОМНИМ хотя бы некоторые его книги: «Сотников», «Западная», «Третья ракетка», «Дожить до рассвета», «Знак беды»... О чем они? О том, что человек может остаться человеком, когда для этого, кажется, уже нет никаких возможностей. Его герои — из минувшей войны, и, наверное, в каждом есть что-то и от самого автора, тоже прошедшего Великую Отечественную, как говорится, «от звонка до звонка».

Герой — Социалистического Труда, лауреат Государственных премий СССР и БССР, народный писатель Белоруссии, депутат Верховного Совета БССР... А какой он в жизни? Может, наша беседа хоть в малой степени позволит понять это...

— Василий Владимирович, наверное, вполне справедливо высказать предположение, что писателем вас сделало такое античеловеческое, такое страшное явление, как война!

— Вероятно, это предположение справедливо, хотя начинал я в пятидесятые годы все-таки не с военной темы: первые страницы были посвящены молодым современникам. Затем вышел сборник сатирических рассказов, а о военной прозе тогда не помышлял. Однако вскоре она захватила меня целиком, и вот уже четверть века ни о чем другом писать не могу. Почему так? Скажу откровенно, во время войны не мог читать ничего, написанного о ней в журнале художественной литературы: слишком уж велика была разница между книжным изображением людских страстей и подлинными страстями, которые бушевали на полях сражений... Конечно, о той поре нынче написано много, и среди книг о войне встречаются очень сильные — вроде бы,

что еще можно добавить? Но когда в эту тему углубляешься, обнаруживаешь там все новые возможности, все новые проблемы. И хотя у меня есть полтора десятка повестей, думаю, что самого главного еще не ухватил, что там, в глубинах войны, заключено самое значительное, к чему стремится искусство...

— Как вы сами для себя определяете это «самое главное, самое значительное»?

— Главное в книгах о войне — правда, глубина постижения правды, и дается она далеко не каждому, даже если человек, берясь за перо, полон самых благих намерений. Но настоящий талант возникающий при работе трудностями обычно преодолевает, талант же поскромнее на них останавливается и далее скользит по линии наименьшего сопротивления. Вот тогда-то мы и читаем в книгах приблизительную правду, лишь часть правды, которая, например, состоит в стремлении отразить только героизм, только патриотизм. Однако на фронте бядом с грандиозным патриотизмом, с величайшим героизмом было еще самое разное... Поэтому, на мой взгляд, задача литературы и вообще искусства о войне состоит в том, что, пока есть возможность, пока живы участники тех событий, надо постараться отразить правду войны с полнотой максимальной... Самым честным, самым талантливым это удается — назову хотя бы Бакланова, Бондарева, Астафьева, Адамовича, Гранина, Носова, Кондратьева... Обратите внимание: в этом перечне (который, конечно же, можно продолжать) все — бывшие фронтовики. У каждого — личный опыт СВОЕЙ войны. Когда же такого личного опыта нет, человеку приходится «сочинять», что обычно и делается...

— Что касается ваших пове-

стей, то там этот личный опыт автора ощущается постоянно: убедительность каждой детали почти документальная... И все же, ведь, допустим, в партизанских войсках вы не были, а о партизанах пишете — значит, не только личный опыт!

— Не только. Скажу так: личный опыт, умноженный на воображение... Да, в партизанском отряде я действительно не сражался, и все же партизанские повести написаны на основе личных знаний, представлений, а главное — понимания психологии человека в войне...

— Уж коли речь зашла об этом: почему же все-таки вы, в прошлом армейский офицер, так настойчиво возвращаетесь к партизанской теме?

— Наверное, прежде всего потому, что живу в Белоруссии, где партизанская война стала уделом целого народа. У нас сама нравственная атмосфера содержит в себе очень много от партизанского прошлого... Кроме того, когда в работе углубил свои нравственные поиски, то обнаружил, что борьба с врагом на оккупированной территории дает наибольшие возможности для исследования проблемы выбора. Человеку постоянно приходится делать выбор — и в малом, и в большом. Во время же войны выбор значил все, от него зависело — жить или умереть? Каждый солдат на поле боя был связан с этой проблемой. Так вот, война армий, если так можно выразиться, более стандартна, так как действия войск в значительной степени регламентированы. И потом — человек дал воинскую присягу! На оккупированной же территории человек чаще всего никакой присяги не дает. Совесть — вот что определяет его действия. Там много хаоса, много стихии. Там было все — и высокая доблесть, и низкое предательство...

во...

— Исследованием истоков предательства вы так или иначе настойчиво занимаетесь почти в каждом своем произведении...

— Потому что природа героического нам близка и понятна. Читателю не надо подробно разъяснять, что заставило Александра Матросова броситься на амбразуру дзота, что повело на смерть молодого гвардейца: ведь их поведение для советского человека — норма. Так вот, тысячи действуют согласно этой норме, а один вдруг (вдруг ли?) — вопреки ей. Что же, какие же такие особые условия, чрезвычайные обстоятельства сделали его предателем? По мере сил стараюсь в природе предательства разобраться, дабы предостеречь людей от подобного в будущем, дабы все реже встречались в нашей жизни такие типы, как Рыбак или, допустим, Пшеничный...

— Недавно в беседе с Вячеславом Кондратьевым, о книгах которого вы только что упоминали, я выяснил, что ЕгО война — это бой под Ржевом, у деревеньки Овсянниково, недаром писатель посвятил этим местам столько страниц... Ну а откуда, от какого конкретного места, начинается ВАША война, есть ли у вас свое «Овсянниковское поле»?

— Таких памятных мест у меня несколько — и на нашей земле, и по ту сторону границы, особенно в Венгрии, у Балатона, где пришлось очень тяжело... И все-таки, пожалуй, свое «Овсянниковское поле» у меня есть — на Кировоградской, возле деревни Большая Севериновка... Было это в январе сорок четвертого. Наш стрелковый батальон поздним вечером вел бой. И вдруг — вражеские танки. Огонь оказался очень плотным, выстоять

пехоте против танков в степи трудно — в общем, взводу, которым я командовал, как и всем остальным, досталось крепко. Раненный в ногу, лежу и вижу: один танк поворачивает на меня... Метнул гранату — неудачно: ударился в снег возле гусеницы и не разорвалась. Фашист еще гочнее довернул на меня, и я едва успел поджать ноги: узник буквально вдавил в снег лопы шинели... Через мгновение комроты Петр Миргород отчаянным броском гранаты застали поразил гитлеровскую машину... Кое-как мы смогли добраться до скирды, но немцы ее зажгли. Добрели до полевой дороги, а там повозка довезла меня до села. Раненых в хате набралось человек пятнадцать. Только задремал, кто-то трясет за плечо: «Быков, Быков...» Смотрю — командир батальона: «Ты ранен?» — спрашивает. «Ранен». — «Ходить можешь?» — «Нет». «Наш батальон разгромлен», — сказал комбат... Утром село вновь атаковали гитлеровские танки. Я вылез из хаты, где был чудом подобран на последнюю повозку. Один танк остановился против нашей хаты, дал залп — хата вспыхнула... Очевидно, все это видел комбат, который не знал о моем спасении, — так на меня составили похоронку... Уже после войны, когда служил на Дальнем Востоке, однажды вдруг вызывают в штаб, показывают документ: «Лейте-

ная вещь получилась!

— Как считаете, в родительской семье были писательские гены? Когда читал «Знак беды», почему-то казалось, что Петрок и Степанида должны напоминать ваших отца, маму...

— Никаких «писательских генов» в моей семье не было. Родители — крестьяне, с литературой почти не соприкасались. В дни оккупации досталось им... Сестру гитлеровцы отправили в Германию, в дороге бежала. Может быть, что-то в героях «Знака беды» есть и от родителей, но если это и получилось, то подсознательно...

— Кстати, «Знак беды», как я все, что вами написано о войне прежде, вы нарекли повестью. Между тем, многоплановость, ретроспекция, большой социальный срез, на мой взгляд, явно выводят это повествование к роману...

— Мне уже приходилось сталкиваться с подобным суждением. Помнится, разъяря свою позицию, попытался сравнить писательское дело со спортом. Понимаете, в спорте есть спринтеры и стайеры, в литературе — эпика и новеллисты. Самым подходящим жанром для моего литературного самовыражения оказалась именно повесть, которая больше отражает частности жизни, а роман неминуемо требует от жизни асфальта правды. Чересчур уважаю роман, поскольку роман — это дыхание, чувствую, не обладая, посягнуть на этот жанр не в силах...

— Как считаете: экранизация и сценическая судьба ваших повестей сложилась удачно?

— К тому, как мои повести выглядят на сцене и экране, отношусь спокойно, потому что, переложенные на язык другого искусства, они неизбежно должны что-то потерять. Но что-то и обрести... Так, несомненно, новые краски обрела повесть «Знак беды», инсценированная и поставленная недавно на сцене Ленинградского театра драмы и комедии главным режиссером Яковом Хаммером. Очень важно, что в этой работе нет уклона в занимательность. Обычно я опасался такого уклона, ибо занимательность — серьезная проза, тем более — проза о войне, разрушает. Почему? Да потому, что занимательность непременно, как говорится, «тянет одеяло на себя» — и исчезает то значительное, без чего невозможно даже прозаическое произведение, но без чего порой вполне обходится и фильм и спектакль...

— Ну а фильм «Взrostание»?

— Эту работу так рано ушедшей из жизни гениальной Ларисы Шепитко, конечно, выделяю. Кстати, и привнесшего, и утраченного там многого меньше, чем в других случаях...

— О чем будущая книга?

— В этой повести будут сочетаться два времени: война и нынешние дни. Опять проблема выбора. А еще — верности и (что у меня встречается не часто) любви...

— Итак, снова война...

— Снова. Среди воинов Великой Отечественной мое поколение — 1924-й год рождения — было почти самым молодым. Живые свидетели тех дней уходят из жизни, и литераторы будущего (даже самые талантливые) едва ли смогут рассказать о той битве с полным знанием дела. Поэтому надо спешить...

С гостем встречался

Л. СИДОРОВСКИЙ

Фото автора